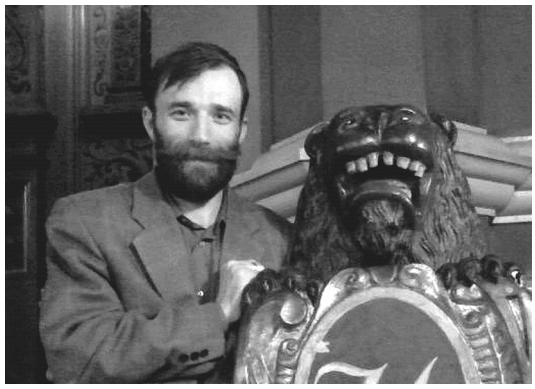
Лев с символическим шаром. Фрагмент. Пекин, XIII–XIV вв.

УДК 327:125.2



Ходаковский Е.А.

Смыслы и образы как компоненты «мягкой силы» Запада, Востока и России

Ходаковский Евгений Андреевич, доктор политических наук, кандидат философских наук, научный консультант Фонда национальной и международной безопасности (Москва)
E-mail: khodakovsky@bk.ru

В современных условиях глобального противостояния Запада и Востока возрастающую роль играют технологии «мягкой силы», используемые преимущественно для реализации проектов деструктивной направленности: устранение конкурентов на международной арене, дестабилизация обстановки в регионах богатых энергоресурсами, манипулирование массовым сознанием, свержение неугодных лидеров. Эффективность противодействия подобным проектам в ходе разработки и реализации альтернативных вариантов региональной и глобальной интеграции во многом определяет перспективы динамического развития России в XXI в.

Ключевые слова: «мягкая сила», смысл, образ, мифология, религия, культура, идеология, Запад, Восток, стратагемы, Россия, Русская идея.

...Все мысли, которые имеют огромные последствия, – всегда просты.
Л.Н. Толстой. Война и мир

История человечества изобилует примерами символического выражения различных форм социального единства: у каждого племени, народности, культуры, цивилизации формировался свой набор интегрирующих средств и методов.

В древности преобладала мифологическая форма символической интеграции. Первые цивилизации развивались на основе фольклорного мифотворчества, порождающего описания пантеонов богов и демонов в хитросплетениях с миром людей. Исподволь формировались локальные культурно-исторические представления о должном и запретном, прекрасном и безобразном.

С появлением монотеистических религий происходят кардинальные изменения в формах и содержании

социальных интеграционных процессов. Осуществляются попытки представить свод требований, обязательных для всего человечества. В наиболее развитых цивилизациях происходит кодификация сакральных текстов, формирующих ядро основных культурных традиций, развивающихся и в наше время.

В эпоху Средневековья в христианской традиции Священное писание дополняется новым символом – иконой, ставшей важнейшим изобразительным компонентом социальной интеграции. В Западной Европе начиная с эпохи Возрождения икона утрачивает свое сакральное значение, все больше превращаясь в разновидность живописи. В ходе Реформации, породившей протестантизм, на Западе происходит отказ от иконы как мистической формы социальной интеграции.

В эпоху Просвещения в Европе постепенно нивелируется интегрирующая роль Священного писания. Рационалистические философские трактаты, эмпирические научные направления привели к примитивизации символических форм социального единства на Западе. Апогеем одномерности западного человека можно считать комиксы, совмещающие примитивные тексты и примитивные образы «массовой культуры».

В сложившихся рыночных условиях функционирования глобальной системы коммуникаций примитивность «массовой культуры» является временным конкурентным преимуществом Запада. Продукты «массовой культуры» не требует значительных усилий для усвоения и тиражируются, подобно вирусам, за счет распространения **обессмысливаемых образов**. В наше время даже примитивные тексты вытесняются калейдоскопической сменой картинок, формируя клиповое восприятие современной «сетевой» молодежи.

Одним из механизмов обеспечения экспансионистского потенциала Запада является соблазнение. Немецкий международный обозреватель Йозеф Иоффе назвал Америку «угрожающей и соблазняющей, чудовищной и образцовой». Австралийская писательница Маргарет Вертхайм полагает, что для большей части населения земли «американская культура похожа на опасный вирус». «Вирус» американской культуры и стиля жизни воспроизводится с такой легкостью из-за того, что в его основе – обещание изобилия, соблазн обогащения»[1].

Философ и социолог А.А. Зиновьев отмечал, что система ценностей западного общества «…в современных условиях переросла в систему соблазнов. Это нечто новое сравнительно с тем, что было ранее. В обществе произошел баснословный прогресс в отношении жизненных благ, о котором раньше никто не думал. …Благодаря масс-медиа все достижения в сфере жизненных благ стали общеизвестными. Молниеносно становится общеизвестным все то, что еще только делается в этом отношении, что будет сделано и что считается возможным. А идеология и пропаганда создают иллюзию, будто все эти сказочные блага общедоступны или в принципе могут быть доступными всем. Они играют в данном случае роль Сатаны-соблазнителя, только сулящего всеобщий земной рай». В отношениях с не-западными обществами «мощная система соблазнов и идеологическая обработка» направлены на то, чтобы «заражать их пороками западного общества, изображая пороки как добродетели, как проявление подлинной свободы личности»[2].

Американский исследователь Р. Стил, характеризуя новую экспансионистскую политику США как «культурный империализм», утверждал: «Не Советский Союз, а Соединенные Штаты всегда были революционной державой... Мы построили культуру, базирующуюся на массовых развлечениях и массовом самоудовлетворении... Культурные сигналы передаются через Голливуд и «Макдоналдс» по всему миру – и они подрывают основы других обществ... в отличие от обычных завоевателей, мы не удовлетворяемся подчинением прочих: мы настаиваем на том, чтобы нас имитировали»[3].

В числе первых жертв «мягких» манипуляционных технологий Запада оказались страны Восточной Европы, у которых возросла уязвимость из-за разрыва преемственного развития христианской традиции в ходе социалистического эксперимента. Коммунистическая идеология оказалась неадекватной компенсацией последствий приобщения к символической одномерности Запада. Броские рекламные обертки общества потребления привели плановые экономическое хозяйства к нищете и безработице. Бывшие страны социалистического Второго мира в результате «бархатных» революций скатились до уровня колониальной зависимости Третьего мира. *Деградация смыслов закономерно ведет за собой экономическую стагнацию и эрозию геополитического статуса*.

Безудержная подражательность Западу и полная открытость массированному применению манипуляционных технологий в России в 1990-е гг. едва не привела нашу страну к распаду. Нигилизм, отщепенство, парад суверенитетов превратили в фикцию недавно провозглашенную «новую историческую общность – советский народ». Стремление сменить форму выражения социально-политической идентичности Российского государства подкреплялось серией политических действий, результаты которых были сравнимы с геополитическими и социально-экономическими последствиями крупнейшего военного поражения. «Обеспокоенность Запада возможностью возрождения на востоке европейского континента враждебной ему великой державы можно понять. Но еще более ясна контрпродуктивность неадекватного реагирования на смещения в отдельных сегментах идейно-политической сферы как на изменение всей сферы в целом. Следуя такой модели политического мышления, многие в России могли бы придти к выводу, чти Запад просто ищет повод, чтобы оправдать свое стремление превратить ее из мировой державы во второразрядное государство»[4]. Для того чтобы втиснуть Россию в «общеевропейский» дом, ее попытались расколоть, максимально облегчили ресурсный, финансово-экономический, интеллектуальный потенциал и авторитет на международной арене (ценой отказа от поддержки бывших геополитических союзников).

Общественному сознанию навязывались концепции приоритета «общечеловеческих» ценностей и вхождения России в «общеевропейский дом», подкрепляемые целенаправленным очернительством отечественной

---

[1] Почему люди ненавидят Америку? / Сост. З. Сардар, М.В. Дэвис. М.: Проспект, 2003. С. 61, 128.
[2] Зиновьев А.А. На пути к сверхобществу. СПб.: Издательский дом «Нева», 2004. С. 360, 600.
[3] Цит. по: Уткин А.И. Единственная сверхдержава. М.: Алгоритм, 2003. С. 55.
[4] Нерицкий Ю.М. Россия между Западом и Востоком // Цивилизации и культуры. Вып. 3. Россия и Восток: геополитика и цивилизационные отношения / Редкол.: Ерасов Б.С. и др. М.: Институт востоковедения РАН, 1996. С. 330.

истории, разрушением цивилизационной преемственности развития государства. Создаваемая большей частью средств массовой информации атмосфера была аналогична нигилистическим настроениям кружков радикальной интеллигенции второй половины XIX в. Попытки обоснования универсальности ценностей и модели развития социально-политических систем Запада сопровождались проявлением характерного отношения к отечественным идеалам и традициям[1]. Это отношение верно охарактеризовал Достоевский: «...Любить общечеловека – значит наверно уж презирать, а подчас и ненавидеть стоящего подле себя настоящего человека»[2].

Парадоксальным образом прозападный внешнеполитический курс руководства России в 1990-е гг. оказал «медвежью услугу» Западу, лишив его возможности провести внутреннюю реструктуризацию и заставив взвалить на себя чрезмерный военный и политический груз урегулирования последствий распада сферы советского влияния. Неукоснительное следование российского руководства 1990-х гг. в фарватере гегемонистских устремлений США оставило Запад также без мощнейшего интегрирующего фактора – образа общего врага. Понадобилось новое мифотворчество, которое привело к плачевным последствиям.

Чем ужаснее образ врага, тем сильнее мобилизация. Но образы имеют свойство воплощаться: виртуальная реальность порождает действительные последствия. Образы врагов клонируются по множеству признаков: идеологическому (фашисты, коммунисты), этническому (русские, арабы), экономическому (Япония, «азиатские тигры»), религиозному (мусульмане, православные), геополитическому (Россия, Китай). Шоу-империя Запада переусердствовала в жанре триллера: врагов становится настолько много, что в определенный момент из-за парализующего волю страха происходит срыв мобилизации. Вместо готового к бою «электората» получается охваченное маниакальным психозом население, неспособное на адекватные суждения и действия.

В данном контексте показательна реакция большинства американцев на информацию о теракте 11 сентября 2001 г. «Многим не верилось в то, что телевизионные кадры событий 11 сентября – это реальность, а не очередная голливудская постановка»[3]. Обреченные на изоляцию, выросшие на крови туземного населения США, Великобритания, Австралия и Новая Зеландия вырождаются, в паническом страхе предчувствуя приближение неминуемой расплаты для потомков англо-саксонских конкистадоров. Население этих стран, в массе своей лишенное исторической памяти, не осознает причин заслуженной ненависти, продолжая безумные попытки смыть кровь новой кровью, обрекает себя на конвульсии в тисках иррационального ужаса, проявляющиеся в росте количества самоубийств и психических заболеваний. Как сказал Рональд Дж. Херринг, директор Центра международных исследований Корнеллского университета, выступая во время международного конгресса работников образования: «Те, кто чувствуют себя отодвинутыми на второй план, обманутыми, униженными или оскорбленными нашей властью, не являются частью нашего интерсубъективного сообщества. Мы только сейчас начинаем иметь дело со злостью, с ее распространением и выявлением коренных причин этого явления. Ирония судьбы заключается в том, что поиск причин считается непатриотичным. Очевидно главное: если мы не сможем понять эти причины, то та угрожающая ситуация, в которой мы находимся и которая нас так беспокоит, углубится и станет еще опаснее. Мы оставим свой страх в наследство следующим поколениям»[4]. Преимущественно протестантское население этих стран не может последовать и примеру епископа Рима, просившего прощения у всех, кого нет больше возможности «просвещать». Экзистенциональное одиночество протестанта приводит к геополитической изоляции.

Запад становится заложником специфического характера социально-политического развития, свойственного обществу потребления. Динамизм экономики поддерживается только при постоянном росте потребления, который необходимо стимулировать все более изощренной рекламой. Реклама формирует спрос, для удовлетворения которого необходимо все больше ресурсов. Это можно проиллюстрировать статистикой, приведенной в Отчете о развитии человечества, который был опубликован в рамках Программы развития ООН: американцы потребляют свыше половины всех мировых товаров и услуг; население Америки тратит более 10 млрд долл. в год только на еду для домашних животных, что на 4 млрд долл. превышает сумму, необходимую для здорового питания всего населения планеты; Америка потребляет косметику на сумму 8 млрд долл., что на 2 млрд долл. больше суммы, ежегодно тратящейся во всем мире на начальное образование; капитал трех самых богатых американцев превышает совокупный валовой внутренний продукт 48 наименее развитых стран[5].

Замкнутый цикл экспансии – потребления – рекламы – спроса – ресурсов – экспансии толкает США к вмешательству во все регионы, обладающие значительным ресурсным потенциалом, к стремлению контролировать энергетические ресурсы всего мира. В то же время материальное обеспечение внешней агрессивности США основывалось на финансово-спекулятивных махинациях, которые не только поставили на грань краха некогда мощнейшую экономику, но и спровоцировали мировой финансово-экономический кризис.

С учетом данного обстоятельства политика национальной безопасности США, направленная с 2002 г. на обеспечение тотального контроля над территорией всего Земного шара, включая Антарктиду, не оставляет этому государству шансов оказаться не вовлеченным в любую значительную кризисную ситуацию. «Не стоит сбивать себя с толку миражами военного соревнования с США – скорее, военного псевдосоревнования, ведущего к бесконечному вмешательству в дела стран, не имеющих реального стратегического значения. Мы не должны вслед за американской армией разменивать концепцию театра военных действий на концеп-

---

[1] «Может быть, для европейских наблюдателей дело не столько в скрупулезном выявлении того, какие векторы развития и интегральные элементы российского социума ассоциируются с Европой или Азией, сколько в опасениях, что самоосознание России себя как евроазиатской державы будут способствовать формированию новой супердержавной идеологии и политики?» (Нерицкий Ю.М. Указ. соч. С. 330).

[2] Достоевский Ф.М. Дневник писателя: избранные страницы. М.: Современник, 1989. С. 58.

[3] Почему люди ненавидят Америку? С. 43.

[4] Там же. С. 60.

[5] Там же. С. 84.

цию театральных военных действий»[1]. Размещение военных баз во всех регионах, вблизи границ потенциальных противников увеличивает область уязвимости США.

Стратегическая ошибка администрации Буша-младшего состояла в стремлении наращивать собственную агрессию для подавления агрессии извне. Результат вышел противоположным: чем мощнее собственная агрессия, чем больше объектов «принуждения к миру», «гуманитарной интервенции», тем значительнее импульс ответной реакции. Срабатывает простой закон механики: сила действия равна силе противодействия. Но в социальных системах сказывается и «принцип маятника»: из-за значительной инерции больших социальных групп происходит запаздывание в оценке последствий собственных действий и возможных ответных реакций других взаимодействующих систем. Это становится причиной увеличения масштаба негативных последствий: «кто сеет ветер, тот пожнет бурю». «Позволим современной Америке, если она этого желает, расходовать остающуюся у нее энергию в «борьбе против терроризма» – эрзаце борьбы за поддержание гегемонии, которой уже больше и не существует. Если она будет упорствовать в желании демонстрировать свое всемогущество, то она закончит лишь тем, что покажет всему миру свое бессилие»[2].

В настоящее время США как единоличный глобальный лидер не только превосходят по боевой мощи военно-морской потенциал всех остальных государств вместе взятых, но и направляют на военные нужды в целом объем средств, превышающий оборонные бюджеты остального мира. Военное и экономическое доминирование «единственной сверхдержавы» в начале XXI в. было использовано в качестве основы для навязывания моноцентричной структуры системы международных отношений. Серия «цветных» революций, вооруженных вмешательств, «гуманитарных интервенций» и свержений неугодных лидеров были направлены на создание глобальной властной монополии. Но в действительности стремление установить моноцентричный мировой порядок как систему политического диктата спровоцировало развертывание процессов, отрицающих саму возможность регулирования международных отношений.

США, из-за нежелания властных элит идти на компромиссы, не смогли также реализовать и паллиативную альтернативу, выражающуюся в принципе «разделяй и властвуй», результативно используемым Римской и Британской империями. Мир объединяется в противодействии США. «Реалистический подход к развитию международных отношений позволяет предположить, что в рамках незападных цивилизаций ведущие государства должны сплотиться, чтобы противостоять господству Запада»[3].

Потенциал внешней агрессии Запада приближается к опасному уровню, за которым последует внутренняя дезорганизация и разрушение сложившейся структуры мирового сообщества. При этом элита западного цивилизационного сообщества находится в мировоззренческом тупике, пытаясь ускорить процесс идеологической перекодировки Запада. Идеологическое обеспечение трансформации доминирующей системы ценности на Западе осуществляется по нескольким направлениям, некоторые из них условно можно обозначить, как глобализм и контртерроризм.

Наиболее масштабная кампания предыдущих десятилетий была развернута в связи с реальными и выдаваемыми за действительные процессами глобализации. Под предлогом повышения эффективности решения глобальных проблем были реанимированы выдвинутые еще в 1970-х гг. Римским клубом идеи ограничения государственного суверенитета и создания надгосударственного механизма распределения ресурсов планеты. Азиатский кризис 1997–1998 гг., последовавшие за ним провалы в форсированном построении либеральной модели рыночной экономики в России, Бразилии, Аргентине подорвали привлекательность идеологемы глобализма. А мировой финансово-экономический кризис 2008–2009 гг. окончательно вынудил сконцентрировать «мягкие» технологии на ином направлении.

Критическое внутреннее положение оказывает определяющее воздействие на формирование современной идентичности Запада, его настоящий и будущий статус в системе международных отношений. Победители «холодной войны» вынуждены изыскивать принципиально новые способы внутренней интеграции, в основном за счет стимулирования мобилизационных процессов как реакции на существующие и создаваемые, реальные и мнимые угрозы.

В течение ближайших лет, вероятно, произойдет переориентация вектора активности идеологического мифотворчества: с внешнего на внутреннее направление. Массированное тиражирование бессмысленных образов сменится более утонченной идеологической обработкой, в ходе которой современные спекуляции на тему борьбы с международным терроризмом станут промежуточной ступенью к созданию тоталитарной идеологии нового поколения. Фиговые листки либерализма будут окончательно отброшены в преддверии последней попытки Запада сохранить властную глобальную монополию.

Изначальным иммунитетом в отношении западных мировоззренческих вирусов обладают последователи идеалов и ценностей цивилизаций Востока. Видимое традиционно воспринимается восточным человеком как иллюзорное. Внешние покровы скрывают внутреннюю сущность, поэтому нельзя доверять тому, что видишь. **Безобразные смыслы** Востока обладают свойством своеобразного противоядия, позволяющего в определенной степени противостоять западным «мягким» технологиям манипулирования массовым сознанием.

Впрочем, Восток обладает также и наступательными вооружениями на идейном фронте, важнейшей составляющей которых являются стратагемы. Академик В.С. Мясников отмечает, что само понятие «стратагема» означает военную хитрость, действие, которое вводит в заблуждение противника[4].

---

[1] Тодд Э. После империи. Pax Americana – начало конца. М.: Международные отношения, 2004. С. 231.
[2] Там же. С. 231.
[3] Хантингтон С. Столкновение цивилизаций и преобразование мирового порядка // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология. М.: Academia, 1999. С. 538.
[4] Подробнее см.: Зенгер Х. Стратагемы. О китайском искусстве жить и выживать. Знаменитые 36 стратагем за три тысячелетия. М.: Прогресс, Культура, 1995; Мясников В.С. Империя Цин и Русское государство в XVII веке. М.: Наука, 1980; Он же. Межгосударственные отношения России с Китаем как форма межцивилизационного контакта // Цивилизации и культуры. Вып. 2 / Редкол.: Ерасов Б.С. и др. М.: Институт востоковедения РАН, 1995. С. 215–233.

Огромное влияние на теоретическую разработку стратагемности оказал величайший военный мыслитель Древнего Китая Сунь-цзы, автор трактата «О военном искусстве». Сунь-цзы описал определенные правила реализации стратагем, которые подобны алгоритму. «Если ты и можешь что-нибудь, показывай противнику, будто не можешь; если ты и пользуешься чем-нибудь, показывай ему, будто ты этим не пользуешься; хотя бы ты и был близко, показывай, будто ты далеко; хотя бы ты и был далеко, показывай, будто ты близко; заманивай его выгодой; приведи его в расстройство и бери его; если у него все полно, будь наготове; если он силен, уклоняйся от него; вызвав в нем гнев, приведи его в состояние расстройства; приняв смиренный вид, вызови в нем самомнение; если его силы свежи, утоми его; если его ряды дружны, разъедини; нападай на него, когда он не готов, выступай, когда он не ожидает». «Вклад Сунь-цзы в китайскую дипломатию, которая использовала его трактат в качестве своеобразного учебного пособия, не менее значителен, чем роль Конфуция, оснастившего ее идеологическими постулатами. …именно Сунь-цзы заложил в китайской военной доктрине основополагающую идею: дипломатические методы борьбы не только должны предшествовать военным, но они вообще предпочтительнее, выгоднее государству»[1].

Формирующая определенную социально-политическую модель жизнедеятельности стратагемность отображает функциональные особенности государства-цивилизации Китая, которые принципиально отличны от социально-политических систем Запада. Эти черты дополняют общую типологическую разнородность Востока и Запада, которая в русле китайской интеллектуальной традиции впервые была рассмотрена в начале 1920-х гг. крупным философом и культурологом Лян Шумином. Он был первым китайским мыслителем, кто подошел к проблеме «Восток – Запад» с позиции культурно-исторического анализа и на основе определения и различения культур как "образов жизни" попытался обосновать тезис о разнонаправленности развития западной и китайской цивилизаций[2]. Для Запада доминирующим фактором развития, по определению Лян Шумина, был «дух борьбы, стремления вперед», для Китая – стремление к «достижению гармонии и середины»[3]. Именно **гармония**, по нашему мнению, является тем понятием-символом, отражающим смысл и целевую направленность эволюции Китая как ведущей социально-политической системы Востока.

В основе гармонии как фундаментальной идеологемы китайской цивилизации лежат два важнейших постулата: «Небо и человек – едины. Небо и человек взаимно преодолеваются (влияют друг на друга)»; «знания и поступки едины. Знания и поступки взаимообогащаются». …Высокая степень адаптивности китайской культуры в отношениях с другими культурами, ее способность к самообновлению во многом связаны с тем, что в Китае со времен Конфуция способность человека к учебе и самосовершенствованию рассматривается главным критерием цивилизованности и нравственной самооценки»[4].

Стремление к гармонии послужило основанием для формирования представления о Китае как «Поднебесной» или «Срединном царстве», что создавало и соответствующую политическую культуру. В трактате «Хуайнань-цзы» утверждалось: «Дела в Поднебесной не нуждаются в управлении – они следуют своей естественности... Когда управление навязчиво, народ охватывает смута... Кто пользуется плетью, не обладает искусством дальней езды»[5]. Небо вложило в человека доброе начало, но его проявление зависит от правителя и соблюдения данных им правил должного воспитания. «В Поднебесной подданные – не механизм, инструмент исполнения желаний владельца, как в иных деспотиях Ближнего Востока и некоторых царствах эпохи *Чжаньго*. Подданные не животные, живущие своей жизнью, которых нужно использовать для работы на хозяина (доктрина абсолютизма, вспомним ришельевское сравнение народа с мулом), но организм, в жизнь которого нельзя грубо вмешиваться. Однако его реакции можно и нужно направлять в желательное русло…»[6].

Стратагемность основывалась на восприятии китайцами жизни как кукольного представления, где мудрый человек способен быть кукловодом, а глупец обречен на роль куклы. Аналогичный подход применялся и в сфере межгосударственных отношений, что послужило основой разработки китайского дипломатического церемониала. «Знаменитые "китайские церемонии", многозначительная торжественность жеста были способом такой виртуально-игровой комбинации, подразумевающей стратагемный подход к жизни»[7].

На протяжении веков вырабатывалось умение сочетать дипломатические стратагемы с военными. «Начинай войну только тогда, когда успех обеспечен». «Опыт успешного решения стратагем фиксировался официальной историографией в специальном типе сочинении, получавших название: «Стратегический план усмирения...» («*Пиндин... фанлюе*»), и далее указывался объект «усмирения», то есть захвата военно-дипломатическим путем той или иной территории, государственного образования, народности. Сильной стороной стратагемной дипломатии являлись ее целенаправленность, активность, плановость, определенность акции во времени и пространстве»[8]. «Стратагема формулировала основной принцип действия дипломатии на достаточно длительный срок. Многие из этих принципов стали впоследствии широко известны,

---

[1] Мясников В.С. Империя Цинн … С. 41.

[2] Подробнее см.: Феоктистов В.Ф. Китай – Запад: проблема синтеза философских культур // Востоковедение и мировая культура. К 80-летию академика С.Л. Тихвинского: Сб. статей. М.: Памятники исторической мысли, 1998. С. 74–86.

[3] «Этот основополагающий вывод Лян Шумина представляется весьма продуктивным для адекватного понимания принципиальных различий в типах культур Китая и Запада» (Феоктистов В.Ф. Указ. соч. С. 81).

[4] Титаренко М.Л. Жизнестойкость и стабильность китайской цивилизации – условие развития Китая по пути реформ и модернизации // Востоковедение и мировая культура. К 80-летию академика С.Л. Тихвинского: Сб. статей. М.: Памятники исторической мысли, 1998. С. 68, 70. Об этом подробно см. также: Granet M. *Chinese Civilization*. New York: Routledge, 2013; Зыонг Куок Куан. Китайское и вьетнамское средневековое конфуцианство: основные принципы и категории [Электронный ресурс] // Электронное научное издание Альманах Пространство и Время. 2014. Т. 7. Вып. 1. Стационарный сетевой адрес: 2227-9490e-aprovr_e-ast7-1-1.2014.42.

[5] Цит. по: Кульпин Э.С. Восток. М.: Московский лицей, 1998. С. 120–121.

[6] Кульпин Э.С. Восток. С. 120.

[7] Китайская военная стратегия / Сост., пер., вступ. ст. и коммент. В.В. Малявина. М.: АСТ, 2004. С. 406.

[8] Мясников В.С. Империя Цинн … С. 41–42.

среди них: «и-и чжи-и» – «управлять варварами с помощью варваров» (в годы агрессии против Китая японские империалисты «перевернули» этот принцип в лозунг «и-хуа чжи-хуа» – «устанавливать свое господство в Китае, используя самих китайцев»); «и-ду гун-ду» – «применять яд в качестве противоядия»; «юань-цзяо цзинь-гун» – «привлекать дальних, нападать на ближних»; «жоу юань» – «мягкое отношение к дальним»; «шэ-и бип-вэй» – «устрашение военной силой».

Стратагемы были классифицированы по видам, разработана методика применения той или иной стратагемы в зависимости от конкретной ситуации. Был создан систематизированный свод «Трактат о 36 стратагемах». Но все сведения о стратагемах тщательно скрывались от иностранцев. Одним из способов предотвращения утечки информации был запрет на вывоз книг из страны. Формировались теоретические основы информационно-психологического противоборства, в котором важную роль играет дезинформация[1].

В традициях китайской цивилизации на протяжении многих столетий культивировалась иерархическая модель отношений между государствами[2], в соответствии с которой развивались представления китайцев о своей стране и окружающем мире. Мир в целом делился на «пять зон». Первая – центральная, управлялась непосредственно императором; вторая – зона удельных княжеств; третья – так называемая усмиренная зона, в которой располагались княжества, завоеванные правящей династией; четвертая – зона, где проживали «варвары», частично контролируемые центром; пятая – «дикая зона», занимаемая неуправляемыми «варварами четырех сторон света», которым присваивались какие-либо уничижительные названия. Например, русские получили наименование «лоча», что является транслитерацией санскритского слова «ракша» – «демоны, преследующие людей».

Китаецентристская модель мира порождала стремление придать всем государствам, вступавшим в контакты с Китаем, статус вассалов империи. Имперская внешняя политика была нацелена на «приобщение варваров» к китайской цивилизации. Весьма эффективной считалась разработанная еще ханьским мыслителем Цзя И теория «гуманного» обращения «варваров» в «цивилизованных» и лояльных империи соседей. Она была сформулирована как «сань бяо у эр» – «три нормы и пять прельщений». Согласно этой теории, император должен был поддерживать доверие «варварских» правителей дружественными словами, внушать им, что он действительно любит их «варварские» лица, и восхищаться «варварской» культурой. Пять «прельщений» предполагали: одаривание «варваров» одеждой и обеспечение доставки их послов на территорию империи; снабжение хорошей пищей, организацию специальных представлений с музыкой, танцами, женским вниманием; предоставление им жилых зданий и провианта в столице империи; оказание им всяческих знаков императорского расположения и личного внимания, с тем чтобы, воздействуя на их чувства, победить их сердца. Система «гуманного обращения» не исключала активного применения «жесткой» силы и в сочетании с «мягкими» технологиями стратагем была направлена на то, чтобы не допустить политического усиления соседних государств, разрушать их возможные союзы и предотвращать тем самым вторжения на территорию Китая. «Важным фактором, обеспечивающим силовую основу решения проблем стабильности, устойчивости китайской цивилизации и государственности, является традиционная глубокая вовлеченность армии в политические структуры власти. В Китае при любом политическом строе внутри армии содержится как бы страхующая система обеспечения стабильности государства»[3].

В течение второй половины XX в. осуществление ряда стратагемных замыслов позволило Китаю с уровня полуколонии добиться обретения статуса одного из влиятельнейших политических и экономических центров мира. Период становления отношений между КНР и СССР был временем реализации стратагемы «Извлечь нечто из ничего» (7-я стратагема в «Трактате о 36 стратагемах»). Буквально из ничего (благодаря всего лишь умелому имитированию поддержки «старшего брата» – СССР – в идеологическом противостоянии с США) Китай получил возможность создания современной промышленности и военного потенциала, включающего атомное оружие.

На следующем этапе была взята на вооружение стратагема «Наблюдать за огнем с противоположного берега (сидя на горе, наблюдать за борьбой тигров)» (9-я в «Трактате о 36 стратагемах»). В этот период (1960–1970-е гг.) основные усилия были направлены на предотвращение наметившегося сближения СССР и США. Китай сделал ставку на эскалацию напряженности с бывшим «старшим братом»: советская политика оценивалась как «гегемонизм» и «социал-империализм», СССР был определен в качестве «главного источника новой мировой войны»[4]. Мао Цзэдун, который в совершенстве владел стратагемными методами, призывал сосредоточить усилия на Советском Союзе, чтобы ликвидировать социалистический лагерь. Девизом китайской дипломатии стали слова Мао Цзэдуна: «Бей по голове, остальное само развалится» (этот девиз по смыслу совпадает с восемнадцатой стратагемой из «Трактата о 36 стратагемах»: «Чтобы обезвредить разбойничью шайку, сначала надо поймать главаря»).

Китайской внешнеполитической пропагандой была использована также стратагема «На востоке поднимать шум, на западе нападать» (6-я стратагема в «Трактате о 36 стратагемах») – этот замысел приписывался советскому руководству, которое якобы только имитировало борьбу с Китаем, а в действительности готовило удар по Западу.

---

[1] «Трудность исследования цинской дипломатии заключается в крайней сложности определения ее истинных планов, что обусловлено присущей ей исключительной изощренностью в искусстве политической дезинформации всех и вся, включая даже ближайшее окружение императора» (Мясников В.С. Империя Цинн … С. 5).

[2] Подробнее см.: Мясников В.С. Межгосударственные отношения России с Китаем … С. 215.

[3] Титаренко М.Л. Указ. соч. С. 70.

[4] «Американский империализм – это бумажный тигр, который давно уже проткнут народами мира, «социал-империализм» намного обманчивее по сравнению с империализмом старой марки и поэтому намного опаснее» (Женьминь жибао. 01.10.1972; цит. по: Свешников А.А. Концепция КНР в области внешней политики и национальной безопасности // Китай в мировой политике. М.: МГИМО (У), РОССПЭН, 2001. С. 102–103).

Логическим продолжением развития антисоветского курса Китая (окончательно сложившегося в завершающий период правления Мао Цзэдуна) было провозглашение официальной доктрины «единого антигегемонистского фронта» борьбы с СССР. В основу данной доктрины была положена двадцать третья стратагема «Объединиться с дальним врагом, чтобы побить ближнего», получившая дополнительное обоснование в «теории трех миров» Дэн Сяопина. Данная теория была направлена на дискредитацию Советского Союза в отношениях с развивающимися странами: «Из двух держав в третировании народов преобладает прикрывающаяся знаменем социализма». Дэн Сяопин призывал совместными усилиями всего мира «…сорвать глобальный план, вынашиваемый Советским Союзом». В ходе визита в США в январе 1979 г. Дэн Сяопин подтвердил приверженность китайского руководства доктрине «единого фронта»: «США, Китай, Япония, Европа и другие государства мира должны объединиться, чтобы справиться с советским гегемонизмом… Если Советский Союз где-то в любом районе мира будет создавать беспорядки, то мы должны там остановить, подорвать, парализовать его деятельность»[1].

Спровоцированные Китаем события на острове Даманский, приграничные конфликты с Монголией и Вьетнамом должны были убедить руководство США в серьезности намерений КНР противодействовать «советской угрозе» в Азии. В результате виртуозной игры (примечательно, что Дэн Сяопин многие годы возглавлял национальную ассоциацию игроков в покер) Китай получил доступ к западным инвестициям и технологиям, что позволило КНР реализовать курс «четырех модернизаций».

В период после окончания «холодной войны» и распада «старшего брата»[2] Китай продемонстрировал уникальнейшую гибкость в использований технологий «мягкой силы». В условиях доминирования США на глобальном уровне КНР выступила противником моноцентризма в структуре международных отношений, а на региональном уровне был провозглашен курс: «Опираться на север, стабилизировать западное направление, основные усилия сконцентрировать на востоке и юге». Одной из составляющих реализации данного курса является реанимация останков «советского гегемона». В 1992 г. китайское руководство принимает решение «по всемерному стимулированию расширения и углубления отношений между Россией и КНР». Антикоммунизм нового российского руководства не стал препятствием для реализации Китаем еще одной попытки стравливания «тигров». Неутомимый в прошлом создатель «антигегемонистского фронта» Дэн Сяопин призвал форсировать развитие отношений с Россией: «Москва отнюдь не мертвый тигр, она играет одну из первых ролей в международной политике»[3]. Еще теплые «останки» Советского Союза, объединенные в рамках Шанхайской организации сотрудничества (ШОС)[4], потребовались в качестве «опоры» в борьбе Китая за Тайвань и доступ к энергоносителям Каспия (против США), а также в ходе территориальных споров из-за Парсельских островов и Тонкийский залив (против Вьетнама) и в Восточно-Китайском (острова Синкау) и Южно-Китайском (острова Спратли) морях.

Заключенное в апреле 1997 г. странами – участниками ШОС Соглашение о взаимном сокращении вооруженных сил в районе границы предоставляет КНР свободу маневра и дополнительные преимущества в отношениях с уже «младшими братьями»: в отличие от стран СНГ Китаю не пришлось проводить дорогостоящие мероприятия по выводу войск за пределы 100-километровой зоны от границы и созданию новой оборонной инфраструктуры[5]. Пекину удалось также добиться согласия центральноазиатских государств на проведение мер по предотвращению деятельности с их территории пантюркистских и панисламистских организаций, стремящихся поддержать сепаратистов Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР[6]. При этом необходимо учитывать, что центробежные тенденции в Китае не являются доминирующими. Политическая, экономическая система отношений в КНР обеспечивает мощный и эффективный централизованный контроль над ключевыми провинциальными кадрами и над региональными экономическими и сырьевыми ресурсами. Этому способствует также наличие этнически гомогенного состава населения: ханьцы составляют более 94% населения КНР[7].

Значимость роста влияния Китая в современных условиях можно проиллюстрировать следующей оценкой: «…Что же касается усиления Китая, то оно выступает в качестве потенциального источника крупной войны между ведущими государствами, относящимися к разным цивилизациям»[8]. И естественно предположить, что грядущие столкновения не обойдут стороной наше государство, как и современные глобальные и региональные конфликты.

В сложившихся условиях проблема эффективности использования инструментов «мягкой силы» приобретает критическое значение для сохранения и развития России в качестве самостоятельного субъекта в системе противоречивых взаимодействий Запада и Востока.

С одной стороны, «перекрестный огонь» символического оружия различных цивилизационных традиций затрудняет выстраивание собственного ментального поля русской культуры. Доступность к уже апро-

---

[1] Женьминь жибао. 02.02.1979; цит. по: Свешников А.А. Указ. соч. С. 105–106.

[2] В «предсмертный период» Советского Союза Китай последовательно дожимал дряхлеющего «родственника»: в качестве предварительных условий улучшения советско-китайских отношений Москва была вынуждена выполнить ряд категорических требований Китая в отношении вывода войск из Монголии, Афганистана, Вьетнама и Камбоджи (см.: Макаренко В.В. Кто союзники России? Ментальность и геополитика: парадоксы политики безопасности России. М.: СТРАДИЗ, ФИАМР, 2000. С. 126).

[3] South China Morning Post. 19.08.1992; цит. по: Остроухов О.Л., Савицкий А.Н. Внешняя политики КНР: обеспечение суверенитета и целей развития // Китай в мировой политике. М.: МГИМО (У), РОССПЭН, 2001. С. 65.

[4] Импульсом создания «Шанхайской пятерки» послужило подписание в апреле 1996 г. в Шанхае представителями Китая, России, Казахстана, Киргизстана и Таджикистана соглашения об укреплении доверия в военной области в районе границы.

[5] См.: Зимонин В.П. Две тенденции в развитии военно-политической ситуации в АТР и Китай // Китай в XXI веке: шансы, вызовы и перспективы. М.: ИДВ РАН, 2000. С. 40.

[6] См.: Якимец С.И. О новых моментах в геостратегии КНР после «холодной войны» // Там же. С. 70.

[7] См.: Титаренко М.Л. Указ. соч. С. 69, 70.

[8] Хантингтон С. Указ. соч. С. 542.

бированным в истории других народов наборам средств символической интеграции предопределяет склонность творческой и властной элит России к подражательству, упрощенному заимствованию и ментальной зависимости от чужеродных идеалов и ценностей, порождающих **бессмысленное безобразие** (например, «смесь французского с нижегородским»). Попытки построить жизнь в нашей стране по образцу Голландии или Парижской коммуны неизменно ставили Россию на грань выживания, порождая бунты, расколы и революции. И только, как правило, по итогам плачевных результатов социальных экспериментов над собственным народом уцелевшие или вновь пришедшие власти предержащие решались на самостоятельное символическое творчество. В эти периоды предыдущие издержки обращались в факторы развития, обогащения собственного потенциала за счет критического переосмысления и синтеза опыта развития Запада и Востока. Непревзойденными образцами **синтетического смысло-образного творчества** являются русская икона и русская философия, составляющие и в наше время фундамент идейно-символической мощи и привлекательности русской культуры.

Выдающийся русский мыслитель, историк и публицист Г.П. Федотов (1886–1951) верно подметил отличие любомудров Руси в способе выражения своего мироощущения: «В грязном и бедном Париже XIII века гремели битвы схоластиков, а в золотом Киеве, сиявшем мозаиками своих храмов, – ничего кроме иноков, слагавших летописи и патерики…»[1]. С точки зрения представителей интеллектуальной (и не только) элиты Запада, которым и сегодня вторят многие соотечественники, это воспринималось как выражение интеллектуальной нищеты. Но это было безмолвие, напоенное нищетой Духа. Слово цивилизации Русь не отделимо от тишины безмолвия, но и не слитно с ней. Не пристало мудрецу говорить тогда, когда его не спрашивают. А тот, кто не мог молчать – будь то Даниил Заточник или оставшиеся в отечественной истории не только как религиозные мыслители, но и как публицисты Нил Сорский, Иосиф Волоцкий, митрополит Даниил, Вассиан Косой, Максим Грек, старец Филофей, митрополит Макарий, протопоп Сильвестр, а с ними и Иван Пересветов, и Ермолай Еразм, и князь Курбский, – обращался непосредственно к власть предержащему (князю, великому князю, царю), тем самым, в силу характерного для эпохи премодерна отсутствия понятия «частная переписка», непосредственно формируя общественное политическое сознание – или принимал на себе подвиг юродства, дабы безумием обличить мудрость мира сего.

Но именно безмолвие русской религиозно-философской традиции делало столь слышимым пламенные речения русской публицистики XV–XVI вв. Безмолвие в русской традиции соединено с образом, восходящим к иконе. «Образ, а не слово и не идея. В этом великое отличие России от Запада. Образ в России занимает то место, которое на Западе занимает мысль мятежная, идея, словесный постулат. В России образ несомненно более важен, чем слово, чем аргумент, чем концепция»[2]. В этом уникальность цивилизации Русь как Третьего Рима и её значимость для судеб человечества, которая символически воплотилась в иконе Троицы Андрея Рублева. Многие трагедии цивилизации Руси–России были связаны с забвением этого символа. Такие величайшие гении Отечества, как Пушкин и Достоевской, не знали, что такое русская икона, и, к несчастью, не могли знать. Светская знать начала открывать для себя «богословие в красках» лишь в начале XX в., когда в достаточной степени развилось реставрационное дело. До этого русская, как и византийская, икона воспринималась многими как нечто темное и мрачное. Сродни, наверное, общему упадку русской духовной традиции, прикрывавшемуся за внешней пышностью, как за броским окладом. Но пришло время, когда оклады с икон начали не снимать (в реставрационных целях), а срывать. Внешнему благополучию пришел конец. Власть имущие были выметены из страны – их постигла незавидную участь беспечного управителя, не радевшего о выполнении воли господина – Господней воли. Но как под скальпелем реставратора, счищавшем предварительно выжигаемые верхние наносные слои, проступала первозданная яркость красок иконы, так и от пожаров мировых и гражданских войн оставались не только пепелища, но проявлялись русские смысл и образ, идеалы и ценности Правды, Соборности, Всеединства.

По мнению Владимира Соловьева, историческое призвание России связано с претворением в жизнь теократического государственного устройства, основывающегося на союзе социальной троицы: церкви, государства и общества. «Девятьсот лет тому назад мы были крещены Святым Владимиром во имя животворящей Троицы, а не во имя бесплодного единства. Русская идея не может заключаться в отречении от нашего крещения. Русская идея, исторический долг России требует от нас признания нашей неразрывной связи с вселенским семейством Христа и обращения всех наших национальных дарований, всей мощи нашей Империи на окончательное осуществление социальной троицы, где каждое из трех главных органических единств, церковь, государство и общество, безусловно свободно и державно, не в отъединении от двух других, поглощая или истребляя их, но в утверждении безусловной внутренней связи с ними. Восстановить на земле этот верный образ божественной Троицы – вот в чем русская идея. И в том, что эта идея не имеет в себе ничего исключительного и партикуляристического, что она представляет лишь новый аспект самой христианской идеи, что для осуществления этого национального призвания нам не нужно действовать против других наций, но с ними и для них, – в этом лежит великое доказательство, что эта идея есть идея истинная»[3].

Идеологические тупики XX в. все еще остаются существенными препятствиями на пути к преодолению кризисных тенденций в современном развитии Российского государства. Бесплодные попытки заимствований и навязывания чуждых идеалов и ценностей следует прервать прорывом к новому этапу Русского пути. Мировоззрение, выпестованное русской культурой, должно прорасти сквозь современные идеологические

---

[1] Федотов Г.П. Судьба и грехи России. Избранные статьи по философии русской истории культуры: в 2-х т. СПб.: София, 1991. Т. 1. С. 74–75.
[2] Уткин А.И. Россия и Запад [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.humanities.edu.ru/db/msg/50333 (дата обращения: 11.06.2014).
[3] Соловьев В.С. О христианском единстве. М.: Рудомино, 1994. С. 179.

дымовые завесы и пропагандистские заслоны, преодолевая попытки насаждения шизофренизации «массовой культуры» и помогая *сохранить цельность личностного и общественного сознания вопреки целенаправленным процессам хаотизации социальной действительности*.

ЛИТЕРАТУРА

1. Достоевский Ф.М. Дневник писателя: избранные страницы. М.: Современник, 1989.
2. Зенгер Х. Стратагемы. О китайском искусстве жить и выживать. Знаменитые 36 стратагем за три тысячелетия. М.: Прогресс, Культура, 1995.
3. Зимонин В.П. Две тенденции в развитии военно-политической ситуации в АТР и Китай // Китай в XXI веке: шансы, вызовы и перспективы. М.: ИДВ РАН, 2000. С. 37–52.
4. Зиновьев А.А. На пути к сверхобществу. СПб.: Издательский дом «Нева», 2004.
5. Зыонг Куок Куан. Китайское и вьетнамское средневековое конфуцианство: основные принципы и категории [Электронный ресурс] // Электронное научное издание Альманах Пространство и Время. 2014. Т. 7. Вып. 1. Стационарный сетевой адрес: 2227-9490e-aprovr_e-ast7-1-1.2014.42.
6. Китайская военная стратегия / Сост., пер., вступ. ст. и коммент. В.В. Малявина. М.: АСТ, 2004.
7. Макаренко В.В. Кто союзники России? Ментальность и геополитика: парадоксы политики безопасности России. М.: СТРАДИЗ, ФИАМР, 2000.
8. Мясников В.С. Империя Цин и Русское государство в XVII веке. М.: Наука, 1980.
9. Мясников В.С. Межгосударственные отношения России с Китаем как форма межцивилизационного контакта // Цивилизации и культуры / Редкол.: Ерасов Б.С. и др.; Институт востоковедения РАН. М., 1995. Вып. 2. С. 215–233.
10. Почему люди ненавидят Америку? / З. Сардар, М.В. Дэвис / Пер. с англ. М.: Проспект, 2003.
11. Остроухов О.Л., Савицкий А.Н. Внешняя политики КНР: обеспечение суверенитета и целей развития // Китай в мировой политике. М.: МГИМО (У), РОССПЭН, 2001. С. 40–67.
12. Свешников А.А. Концепция КНР в области внешней политики и национальной безопасности // Китай в мировой политике. М.: МГИМО (У), РОССПЭН, 2001. С. 93–126.
13. Соловьев В.С. О христианском единстве. М.: Рудомино, 1994.
14. Титаренко М.Л. Жизнестойкость и стабильность китайской цивилизации – условие развития Китая по пути реформ и модернизации // Востоковедение и мировая культура. К 80-летию академика С.Л. Тихвинского: Сб. статей. М.: Памятники исторической мысли, 1998. С. 58–73.
15. Тодд Э. После империи. Pax Americana – начало конца. М.: Международные отношения, 2004.
16. Уткин А.И. Единственная сверхдержава. М.: Алгоритм, 2003.
17. Уткин А.И. Россия и Запад: история цивилизаций. М.: Гардарики, 2000 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.humanities.edu.ru/db/msg/50333.
18. Федотов Г.П. Судьба и грехи России. Избранные статьи по философии русской истории культуры: В 2 т. СПб.: София, 1991.
19. Феоктистов В.Ф. Китай – Запад: проблема синтеза философских культур // Востоковедение и мировая культура. К 80-летию академика С.Л. Тихвинского: Сб. статей. М.: Памятники исторической мысли, 1998. С. 74–86.
20. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций и преобразование мирового порядка // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология. М.: Academia, 1999. С. 528–556.
21. Якимец С.И. О новых моментах в геостратегии КНР после «холодной войны» // Китай в XXI веке: шансы, вызовы и перспективы. М.: ИДВ РАН, 2000. С. 69–72.
22. Blanchard J.-M.F., Lu F. "Thinking Hard About Soft Power: A Review and Critique of the Literature on China and Soft Power." *Asian Perspective* 36.4 (2012): 565–589.
23. Granet M. *Chinese Civilization*. New York: Routledge, 2013.
24. Low K.C.P. "Applying Soft Power, the Confucian Way." *Conflict Resolution & Negotiation* 4 (2010): 37–46.
25. Oreskes N., Conway E.M. "The Collapse of Western Civilization: A View from the Future." *Daedalus* 142.1 (2013): 40–58.
26. Roselle L., Miskimmon A., O'Loughlin B. "Strategic Narrative: A New Means to Understand Soft Power." *Media, War & Conflict* 7.1 (2014): 70–84.
27. Rowland D. "Moscow –Third Rome or the New Israel?." *Russian Review* 55.4 (1996): 591–614.
28. Saul J.R. *Voltaire's Bastards: The Dictatorship of Reason in the West*. New York: Vintage, 1993.
29. Shih H. "The Civilizations of the East and the West." *English Writings of Hu Shih: Chinese Philosophy and Intellectual History.* Ed. C.-P. Chou. Berlin and Heidelberg: Springer, 2013, vol. 2, pp. 27–38.
30. Tsygankov A.P., Tsygankov P.A. "National Ideology and IR Theory: Three Incarnations of the'Russian Idea'." *European Journal of International Relations* 16.4 (2010): 663–686.
31. Xuetong Y. *Ancient Chinese Thought, Modern Chinese Power*. Eds. D. Bell, and Z. Sun. Princeton and Oxford: Princeton University Press, 2011.

Цитирование по ГОСТ Р 7.0.11—2011:

Ходаковскай, Е. А. Смыслы и образы как компоненты «мягкой силы» Запада, Востока и России / Е.А. Ходаковский // Пространство и Время. — 2014. — № 4(18). — С. 102—110. Стационарный сетевой адрес 2226-7271provr_st4-18.2014.51